

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Процесс рождения основ гражданской культуры в России начинается во времена Петра I и связан с идеями западного рационализма и индивидуализма, которые в ту эпоху стали активно взаимодействовать с российскими культурными доминантами. Идея активной индивидуальной гражданственности вошла в российскую культуру именно в это время. До этого момента ответственность за судьбы страны была прерогативой властвующих элит. Это был единый порыв объединенных общим настроением людей, во главе которых находились какие-то лидеры, выдвинутые этой коллективной идеей и появившиеся именно для того, чтобы стать выразителями этого единого, массового порыва. Дальнейшее историческое развитие гражданственности пошло таким образом, что в России гражданская позиция человека оказалась весьма значимым компонентом его духовного мира, его индивидуальной культуры. Более того, именно она стала эпицентром гражданской культуры, ее субстанцией. И в данном аспекте российская гражданская культура имеет более сильные и устойчивые традиции, нежели западная. Иначе говоря, западная гражданская культура более разнообразна в своих проявлениях и имеет достаточно разработанный механизм своего существования, тогда как в России гражданская культура менее внутренне структурирована и обладает достаточно ограниченным числом внешних проявлений, что накладывает свой отпечаток и на ограниченность механизма ее существования.

Несмотря на кажущуюся несовместимость данной модели политической культуры с культурой гражданской, интеграция между ними не абсолютно обречена, точнее российский традиционализм способен интегрироваться в гражданскую культуру, оказавшись смягчающей модернизацию и неизбежно порождаемый ею индивидуализм идеологией. Интеграция оказывается возможной благодаря отмеченной особенности гражданской культуры – ориентации не столько на образующую ее «центральную систему» и

ценностные «ядра», сколько на определенный тип связи между ними. Рационально-правовое устройство допускает включение консерватизма на правах одной из конкурирующих политических программ, отличающейся собственным, но далеко не исключительным толкованием национальных интересов государства. Из идеологии, претендующей на единственно правильное понимание интересов страны, российский традиционализм может превратиться в одну из политических и экономических стратегий, равноправно конкурирующих с иными идейными течениями.

Без сомнения, определяющая характеристика политической жизни современной России – это устойчивое отчуждение большинства населения от власти, явственным образом отличающее постсоветскую Россию от западных демократических обществ. Однако данные опросов указывают одновременно на относительно высокий уровень интереса к политике, что не характерно для «чистых» «аполитичных» культур. Для россиян показателен высокий уровень интереса к политическим процессам, притом, что в массе своей люди не доверяют политикам и представителям власти. Носители субкультур «активной» группы – это россияне, рассматривающие себя в качестве личностей, способных оказать влияние на власть и интересующихся политикой. Однако большинство из них не верит нынешней власти и олицетворяющим ее чиновникам.

Особое отношение граждан к государству, к конкретным носителям государственной власти превалирует в общественном сознании россиян, определяет логику их голосования. Данный феномен отмечали ещё Н. Бердяев, Н. Трубецкой, И. Киреевский. В их понимании подданничество обусловлено евразийской историей России, ее православным миропониманием, полиэтническим культурным составом и другими историко-культурными факторами. Российское подданничество совершенно не означает покорное повиновение указаниям сверху: на Руси именно бунты масс против чуждых по духу и ненавидимых властей меняли общественно-экономические формации. «Дух русского народа плавает в безграничности и безбрежности, в стихийности» [1]. Скорее коллективное начало, укорененное в русском человеке, развилось и проявилось в государственно-чиновническом аспекте, где власть воспринимается как глава

совместного обустройства. Народ России исторически воспринимает реальность в коллективном сообществе, русская мораль опирается на общие устои, легко восприимчивые как покорные, так и дикие.

Историческая традиция, укорененные стереотипы и сейчас определяют повышенные ожидания народа к роли государства в общественной жизни. Большинство россиян считает, что вектор движения общества определяется именно властями и без них успешное развитие страны вряд ли возможно. Более половины граждан придерживается «патерналистских» взглядов на роль государства, а еще около трети – разделяет идеи «социал-демократического» государственного регулирования [2].

В современном российском политическом процессе этатизм проявляется в значительной поддержке партий власти. Преобладающие у россиян ценности законности и порядка ассоциируются в общественном сознании с государственной властью и определяют благосклонность к избирательным объединениям Кремля. Так, в ходе выборов 1995 г. проправительственный «Наш дом – Россия», не имевший внятной политической программы и отождествлявшийся с крайне непопулярным тогда президентом и либеральным курсом, смог получить 10,13% голосов избирателей. Когда же идейно-ценностные установки таких партий совпадают с политическими предпочтениями значимой электоральной группы, успех партии власти обеспечен. За такую партию проголосуют и всегда лояльные власти избиратели-конформисты, и противники реформ. Это и произошло на парламентских выборах 1999 г., когда правительственное объединение «Единство» собрало голоса не только постоянных сторонников партии власти, но и большинства «державно» настроенных избирателей (23,3%). На выборах в Государственную Думу «партия власти», подкрепленная авторитетом Президента РФ В. Путина, сумела собрать уже 37,57%.

Еще одной значимой стороной идейно-ценностной сферы российского общества является восприимчивость фигуры носителя высшей власти в стране. В российской традиции – это сакральная особа и в некотором роде национальный символ-тотем. Отношение россиян к избираемому ими же президенту в корне отличается от американ-

ской и западноевропейской традиции. Например, при оценке деятельности государственных лидеров в различные периоды отечественной истории, наибольшие симпатии у россиян вызывают годы правления жестких авторитарных правителей (Петра I, И. Сталина, Ю. Андропова). Российское общественное сознание благосклонно воспринимает авторитарность как предпочтительный стиль лидерства.

Исторически укорененные архетипы и паттерны общественного сознания расценивались в качестве доминантных в российской политической культуре западными исследователями ещё при изучении советского периода. Так, С. Уайт делал вывод, что советская политическая культура является в действительности российской, «корнями уходящей в исторический опыт столетий абсолютизма» [3]. Таким образом, политико-культурологическое изучение периодов отечественной истории позволяет сделать вывод о преемственности современного этапа предыдущим, делает возможным осуществить поиск критериев и сущностных черт современной политической культуры.

Недавний советский период был характерен достаточно невысоким уровнем реальной вовлеченности граждан в политический процесс (несмотря на расхожее мнение о высокой степени политизированности советского общества и его граждан). Специфической чертой культуры политического сознания советских людей были индифферентное отношение к политике и низкий уровень ориентации на участие в политическом процессе. Большинство людей действительно поддерживало существующую политическую систему или занимало по отношению к ней позицию лояльного нейтралитета.

Важной политической ценностью для советских людей было равенство, причем оно понималось не в либеральной традиции, а было ориентировано на равенство как условий, так и возможностей и результатов во всех областях общественной жизни. В межличностных отношениях центральное место занимал коллективизм. С одной стороны, он воспринимался как поддержка других, дух сотрудничества и солидарности, готовность прийти на помощь. С другой – ставил человека в зависимость от коллектива, партии и государства. Отсюда вытекали и осознание индивидуальной неспособности влиять на политические события, страх пе-

ред властями, расцвет конформизма и нетерпимости к распространению единомыслия. Также для советской политической культуры, как и для современной российской характерно всеобщее неуважение к закону, ориентация на неправовые методы решения политических проблем.

Политическое сознание «советских» людей было гибким и бескомпромиссным. Однопартийное правление делало невозможным развитие дифференцированной политической самоидентификации. «Писанные нормы», в том числе и конституционные, в советской политической системе зачастую не отражали реальное положение вещей, что вело к формированию в общественном сознании своеобразной установки на «двоемыслие и разрыв между словом и делом» [4]. Поведенческие аспекты политической культуры отличались высоким уровнем электорального участия; единодушием в поддержке кандидатов; отношением к выборам как к формальному мероприятию.

К политическому участию советского человека можно отнести и работу в «общественных организациях», письма и обращения в правительственные учреждения и СМИ. Деятельность большинства граждан – членов профсоюзов, КПСС и ВЛКСМ, ограничивалась уплатой членских взносов и посещениями собраний. Принимая суждения Алмонда и Вербы о «пассивной политической позиции подданного», такие признаки позволяют говорить о низком уровне участия советских людей в политике. Лишь единицы были готовы принимать участие в акциях протеста против действий властей.

Обобщенная характеристика общества того периода возможна, если рассмотреть «культуру функционирования политической системы» [5]. В Советском Союзе она проявлялась в виде двух взаимосвязанных явлений: слиянии партии и государства, а также концентрации всех ветвей власти в одних руках. Политические решения в СССР принимались авторитарным способом. Советский период укрепил традиционную этатистскую ориентацию в массовом сознании. В России государство всегда воспринимается как становой хребет цивилизации, гарант целостности и существования общества, устроитель жизни, в том числе экономической. Коммунисты делали все возможное, чтобы

этатистская ориентация стала одним из фундаментальных устоев советского политического сознания и советской политической культуры. Советская идеология формировала из советского человека твердого государственника, а заодно и патерналиста, который видел в государстве, слившемся с КПСС, пастыря — пусть порой жестокого и нерадивого, но пастыря, который печется о каждом отдельном человеке и в чью пользу надлежит отчуждать свою политическую и гражданскую волю.

В итоге политическую культуру в СССР, на наш взгляд, безусловно, можно охарактеризовать как смешанную по типологии Алмонда и Верба (т.е. как своеобразное сочетание приходской, подданнической и активистской культур, с явным преобладанием в ней элементов второго типа). По мнению исследователя политической культуры Э. Баталова, советская политическая культура – это «классический образец этатистской культуры, основанной на принципах государственного регулирования политической жизни при полном поглощении гражданского общества государством» [6]. Руководители Института социологического анализа Т.И. Кутковец и И.М. Клямкин дали такую характеристику того идейного «советско-культурного» комплекса, который до сих пор оказывает устойчивое влияние на российскую политическую культуру: «...почти две трети россиян считают, что советский коллективизм был одинаково выгоден и государству, и человеку. Человек и государство воспринимаются ими как нечто единое и нераздельное, чувствительность к диктату государства почти отсутствует, а потому отсутствует и ощущение несвободы. Частная жизнь и личное благосостояние, как правило, рассматриваются ими не как нечто обособленное и независимое от государства, а как нечто им же, государством, и обеспечиваемое в обмен на добросовестное ему служение» [7]. Итак, описанному типу традиционализма оказывается присущ кроме антиэлитаризма – последовательный антииндивидуализм, требование оправдания личных интересов и личных прав служением обществу или государству.

Политическая жизнь современной России в полной мере подтверждает справедливость мнения, что «смена режима является лучшей естественной проверкой утвержде-

ний о реальности той или иной политической культуры» [8]. Попытка становления демократии в нашей стране не удалась из-за отсутствия соответствующей демократии политической культуры, «ибо и наши политики, и рядовые граждане, сами того подчас не замечая, мыслят и действуют в соответствии с императивами политической культуры, сложившейся в советском обществе много десятилетий назад» [9]. Ощутимое воздействие советского прошлого усугубляется диктуемым «сверху» отказом от прежних ценностей, что рождает в сознании человека чувство эфемерности и скоротечности повседневности. Прежние критерии общественных связей были нарушены, а социальные институты (семья, государство, школа, религиозные организации, средства массовой информации и т. д.) пропагандируют разные, подчас противоположные ценности.

Сложность процесса переориентации людей на новые ценности усиливается и психологическим моментом. Любой человек усваивает не любые ценности, а лишь те, которые исходят от значимого для него субъекта: человека или авторитетного социального института. В результате воздействия множества факторов как исторического (отдаленного или близкого), так и современного плана политическая культура нынешнего российского общества внутренне противоречива. В ней представлено множество субкультур, это: авторитарная и демократическая, элитарная (политической элиты, чиновничества) и массовая (рядовых граждан), либеральная и консервативная, социалистическая и буржуазная и т. д. В России существуют все типы политической культуры и ее субкультуры: харизматическая, подданническая, активистская. Однако доминируют патриархально-подданническая и подданническо-активистская. Естественно, что политические субкультуры получают наибольшее развитие и играют наибольшую роль в политической жизни многонациональных государств; в странах, историческое формирование которых было растянуто во времени и происходило постепенно, за счет интеграции все новых и новых территорий с разнородной культурой; в обществах с сильно развитыми сепаратистскими и сегрегационистскими традициями и порождаемым ими массовым чувством отчуждения. Кроме того, патернализм, как пове-

денческий стереотип, пронизывал всю политическую культуру образованного общества. Субкультуры наличествуют на каждом региональном уровне и в каждой социальной группе.

Между тем весьма хаотичное заимствование и освоение европейско-американских «образцов» принесло некоторые результаты. Возникла новая политическая система, основанная на характерных для западных демократий принципах: выборный президент и парламент, разнообразие политических партий, свободная пресса и т. д. Ряд исследований [10], проводившихся в 1990-х гг. и посвященных сравнению политической культуры России и развитых западных стран, уже тогда зафиксировали значительные изменения культурно-политической сферы граждан. Современные же опросы общественного мнения показывают, что, несмотря на десятилетие демократических преобразований, многие россияне не имеют ясного представления о содержании понятия «демократия», однако фундаментальные ценности граждан нашей страны – те же самые, что и у граждан западных стран (справедливость, равенство и т. д.) [11]. Субъективный интерес к политике у россиян 1990-х гг. достаточно невелик: 7% от числа всех опрошенных. В основном наши люди – пассивные наблюдатели (88%) [12]. Это говорит о том, что не так уж много и изменилось со времен «патерналистского» Советского государства. Большинство граждан предпочитают наблюдать за политическими событиями со стороны. Те же, кто все-таки склонен к протесту, выбирают «мягкие» его формы (митинги и т. п.). Большинство россиян не чувствуют себя способными что-либо изменить [13]: политическая апатия наблюдается с самого начала 1990-х гг. Низок и уровень доверия к государственным и общественным институтам. Подавляющее большинство граждан современной России считают голосование на выборах единственным способом выражения своего отношения к политикам. Снижение явки на последних выборах ярко показывает массовое отношение к политике.

Как было показано ранее, гражданская культура, как и разновидности политической демократии, может варьироваться по различным критериям и характеристикам. Со-

временной демократии как многообразнейшему политико-культурному феномену соответствует многообразие политических культур. Потому при анализе сущности гражданской культуры в современной России следует тщательно исследовать качественные критерии, проявления и исторических характеристик возможной политической культуры.

«Волюнтаристские» модификации политико-культурных устоев, такие, как большевистское «разгосударствление» или либерально-реформаторские установки на «всесилие рынка», ни в коей мере не смогли изменить сущность отечественного общественного сознания. Этатистские государственнические ориентации, патернализм и коллективизм остались неизменными приоритетами российской политической культуры. Даже жесткая, многократно и широко транслируемая с высоких трибун критика «тоталитарного государства» и «советской империи», направленная на дезинтеграцию и деформализацию самого института государственности начала 1990-х гг., претерпела трансформацию в курс на укрепление и усиление государства. Неважно, что оказалось первопричиной такой модификации – общественное мнение или конъюнктурные интересы элитной группировки. Важнее то, что в подобном ключе меняется и общественное сознание, в котором, как показывают опросы общественного мнения, усиливаются этатистские и нейтралистские ориентации. В том же направлении изменяются и модели функционирования социально-политических институтов. Все или почти все устали от властного «разброда и шатаний», хотят порядка, связывая решение этой проблемы с укреплением государства, повышением роли федерального Центра, ростом авторитета Президента РФ и правительства. Социальные модификации – индивидуализация общественной жизни, резкое социальное расслоение – вызвали массовую ответную реакцию: в российском обществе, особенно в регионах, усилились массовые коллективистские и уравнилельные настроения.

Даже если общественные ориентации и установки не пользуются поддержкой сверху, это не меняет указанных тенденций. Они «растворены» в массовом сознании, проявляясь в тысяче мелочей. Простой человек в России всегда уповаet на главу государства, от которого, как и прежде,

ждут не только «ценных указаний», но и предметной помощи, считая его последней инстанцией на трудном пути поисков «правды». Люди не умеют и не хотят вести индивидуальное хозяйство, завидуют, а нередко и ненавидят богатых и удачливых, потенциально готовы бунтовать против них. Трудовая и производственная этика, столь характерная для протестантизма, развита в России чрезвычайно слабо. Даже в критических ситуациях рядовые граждане оказываются неспособными к самоорганизации и самоуправлению. Слишком уж глубоко укоренены все эти «архаичные» модели сознания и поведения в медленно меняющихся механизмах воспроизводства национального бытия.

Геополитическая пространственность России между Европой и Азией издавна сделала ее объектом экспансии и Запада, и Востока, местом пересечения двух социокультурных типов: европейской и азиатской. Каждый из них содержал своеобразную культурологическую сущность: ставящую в центр внимания личность, ее свободу, естественные права и т. д., и социоцентрической, ориентирующейся на общество, коллектив, государство. При этом взаимодействие этих двух социокультурных типов в российском обществе весьма своеобразно: оно предполагает не просто переплетение, взаимообогащение содержанием обоих типов, но и непрерывную борьбу между ними. По словам В. Ключевского, «из древней и новой России вышли не два смежных периода нашей истории, а два враждебных склада и направления нашей жизни, разделившие силы русского общества и обратившие их на борьбу друг с другом вместо того, чтобы заставить дружно бороться с трудностями своего положения» [14]. Возникающие на этой основе дуализм, двойственность, противоречивость и конфликтность политической культуры наиболее рельефно находят свое отражение и по сегодняшний день в противоборстве «западников» и «почвенников», западной модели развития и модели самобытного пути России.

Такая внутренняя противоречивость, антиномичность русского самосознания души отмечалась многими отечественными исследователями. Так, Н. Бердяев писал: «И в других странах можно найти противоположности. Но только в России тезис оборачивается антитезисом, рабство ро-

ждается из свободы, крайний национализм из сверхнационализма. В этой душе — симбиоз анархизма и этатизма, готовности отдать жизнь за свободу и неслыханного сервилизма, шовинизма, интернационализма, гуманизма и жестокости, аскетизма, “ангельской святости” и одновременно “зверской низости» [15]. Многочисленные цивилизационные культурно-ценностные заимствования на протяжении всей русской истории (православие, имперская идея, космополитизм) в сочетании с исконно-русскими архетипами как раз и обуславливали разноречивость отечественного самосознания. Результатом такого «симбиоза» стали прерывность истории российского общества, многочисленные и разнообразные революционные потрясения, крестьянские войны и восстания, которые, в свою очередь, определили ориентацию российской политической культуры на революционное отрицание предыдущих этапов ее развития, норм и ценностей, в ней доминирующих.

Настоящее время также характерно частой сменой прежних и новых ценностей. Так на смену отрицанию капитализма пришло восторженное подражание ему, даже слепое копирование тех ценностей, которые давно перестали быть таковыми на Западе. Безработица, эксплуатация, спекуляция, культ денег и наживы воспринимаются определенной частью общества как нормальные, положительные явления. И напротив, гражданское равенство, социальная справедливость, альтруизм, патриотизм, ответственность государства и власти перед гражданами, духовность и другие, привычные ранее ценности, теперь рассматриваются замшелыми и даже неприличными.

И все же на фоне отрицания коммунизма и дальнейшего углубления экономического, политического и духовного кризиса в сознании многочисленных людей утверждается скептицизм, безверие и разочарование к новой политической элите. Другими словами, прежние политические ценности вытеснены, а новые еще не утвердились, возникший вакуум не заполнен новыми, приемлемыми для нынешнего общества идеями. В качестве таких идей все больше сегодня предлагаются идеи защиты государства, учета региональной и исторической специфики страны, патриотизма и др.

Учитывая, что для России на ее историческом пути

привычными стали экстремальные условия развития, политическая культура нашего общества тяготеет к мобилизационному типу, ориентированному на достижение чрезвычайных целей. При достижении таких сверхцелей использовались чрезвычайные средства в ограниченном по времени континууме. Вот почему до сих пор распространены в российском обществе идеи экстремизма, революционаризма, жертвенности, склонности к силовым методам решения вопросов и одновременно не популярны идеи компромиссов, консенсусов, переговоров и т. д. В сочетании со слабостью демократических традиций, незрелостью парламентаризма и многопартийной системы данные обстоятельства объясняют отсутствие навыков блокирования, союзов политических субъектов (политических партий, движений, социальных групп, лидеров) даже в период выборов. Личные амбиции политических лидеров становятся преобладающими над политической целесообразностью.

Как уже упоминалось, важнейшей составляющей российской гражданской культуры является отношение к власти. Отношение к власти в России всегда было своеобразным. Власть в России всегда была неоднородна в массовом восприятии: к власти верховной и власти на местах относились и подчинялись по-разному. Высшая власть практически с момента оформления государственности обладала сакральной энергетикой, тогда как местная – была объявлена виноватой за все беды народа. Подобная парадигма надолго определила феномен взаимоотношений власти и народа. Разрушение же этого комплекса происходит в XIX в., самом ярком для Российской империи столетии. Более того, идеи, заложенные той эпохой, до сих пор продолжают оказывать свое влияние на развитие России. Именно тогда Россия впервые осознала свои изначальные основы. Феномен культурного взлета этого века связан именно с гигантским ростом самосознания России.

Одним из главных, если не центральным, вопросом, который задавала себе образованная часть российского общества, была дилемма: что есть русское, а что – «чужое». Сама возможность определения своей гражданской позиции появилась в результате открывшейся возможности критиковать власть, быть к ней в оппозиции. Именно XIX в. сформировал основные позиции гражданской куль-

туры в России, культуры, возникшей как индивидуально-рационалистическая.

Таким образом, развитие гражданской культуры в России есть историческое движение, отражающее общие закономерности формирования глобальных социально-политических процессов. Будучи рационально осмысленной, идея гражданского общества является чрезвычайно привлекательной, коррелируя с идеями правового демократического государства. Построение гражданского общества, в основе которого будут лежать принципы гражданской культуры, на современном этапе представляется наиболее адекватной моделью социального бытия.

С точки зрения индивидуума, именно гражданское общество позволит ему в полной мере обеспечить реализацию его прав и поможет ему выполнять свои обязанности как долг, который отдельный индивидуум в силу рационально осознанной гражданственности возложил на себя сам. Именно построение гражданского общества позволит в полной мере проявить такой принцип свободы, когда свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого. Формирование гражданского общества, как некоего «посредника» между государством и личностью считается одной из политических задач реформ.

По данным некоторых исследований [16], рост количества неправительственных организаций и ассоциаций по интересам начался в 1989–1990 гг. Однако для большинства россиян эти организации не воспринимаются как эффективный канал связи между обществом и властью [17]. Можно сказать, что отличие российского гражданского общества от западных аналогов состоит в том, что «подлинный политический вес партий, профсоюзов и негосударственных общественных организаций невелик (в отличие от влияния индустриально-финансовых групп)» [18].

Однако российский политический опыт данными позициями не ограничивается. Нельзя сбрасывать со счетов ни опыт вечевой демократии в Новгороде и Пскове, ни деятельность Земских соборов в Московской Руси, ни работу земской интеллигенции в XIX–XX вв., ни, наконец, примеры ответственной гражданской самодеятельности и в советской, и в постсоветской России. Каждое из этих явле-

ний выражает особый пласт политической культуры страны, может быть, не совпадающий с западными аналогами, но тем не менее требующий по отношению к себе внимательной и благожелательной оценки. Также следует обратить внимание и на то, что гражданская культура едва ли требует подавления какого-то из тех принципов, которые имеют место в отечественном политическом сознании. Демократии было бы более сложно взаимодействовать с религиозными фундаменталистами, сторонниками теократии, легитимной монархии, священных привилегий и прав. В современной России их нет и, по-видимому, в ближайшем будущем не будет.

В России имеет место действительно сложный, очень противоречивый и запутанный процесс взаимодействия ценностей, принимающий характер затянувшегося, вечно воспроизводящегося и почти неразрешимого конфликта. Для торжества демократии и укрепления гражданской культуры нужно не гасить этот конфликт ценностей, а артикулировать его, используя, в частности, такой механизм институционализации споров, каким являются политические партии.

Объективные условия существования Российской Федерации ставят этнические ценности на особое место в политической культуре страны. Вместе с тем совершенно очевидно, что этнические проблемы формирования гражданской культуры в ее национальных республиках нельзя исследовать вне контекста федеративного устройства России, правовой культуры этих республик и перспектив их интеграции в формирующуюся общероссийскую культуру. Для серьезного анализа сложившейся ситуации необходимо также учитывать исторический опыт тех полиэтничных государств, которые живут в условиях демократического гражданского общества. К сожалению, ни в научной, ни в социально-политической отечественной литературе последних лет эта тема не получила достойного освещения, несмотря на ее чрезвычайную актуальность. Среди немногих работ по этой тематике выделяется исследование Г. Шешуковой «Политическая культура электората российского региона», в которой имеются разделы, посвященные этническим ценностям в политической культуре. Анализируя материалы, Г. Шешукова делает вполне обоснованный вывод

о том, что на современном этапе «на первый план как для политика, так и для политической науки выходит проблема этнических ценностей. Именно эти ценности являются чаще всего доминантными в совокупности ценностей политической культуры» [19].

В условиях затянувшегося системного кризиса особенно очевидно, что элиты национальных республик далеко не всегда готовы жертвовать своими интересами во имя сохранения и устойчивого развития общероссийской государственности и гражданской культуры. С учетом этого очевидна актуальность формирования правовой базы, реально препятствующей развитию регионального и национального сепаратизма местных элит, что является одной из важнейших задач законодательных органов Российской Федерации – Совета Федерации и Государственной Думы. Поэтому для решения вопроса согласования федерального и регионального законодательства обусловлено становление нового института власти: федеральных округов и полномочных представительств Президента. Во всех современных демократических федеративных государствах базовым законодательным положением является равноправие всех субъектов Федерации – один из важных признаков развития гражданской культуры. Каждый из субъектов имеет возможность определять законодательно лишь свою внутреннюю жизнь, не посягая на общенациональные законы (например, в США, ФРГ, Индии).

Российская Федерация – полиэтничное государство, а следовательно, формирование его гражданской культуры нельзя рассматривать без учета этого обстоятельства. Гражданская культура формируется на основе правовых норм и правового сознания, которое в национальных республиках имеет свои особенности, базирующиеся как на этнических традициях, так и на сформировавшейся еще в советский период национально-государственной культуре. Главный узел вопросов формирования гражданской культуры в национальных республиках связан с проблемой интеграции в нее национально-государственных культур. Рассматриваемый процесс должен быть управляемым, и он невозможен без участия в нем всех ветвей власти, без активной поддержки интеллигенцией страны.

Таким образом, теоретико-эмпирические изыскания в

области политической гражданской культуры в современной России позволяют сделать ряд выводов. В России особое внимание к проблематике гражданского типа культуры обусловлено рядом обстоятельств. Это прежде всего развитие гражданского общества, растущая политизация общественной жизни, потребность в действенных механизмах регулирования общественных отношений, что также связано и с демократизацией политической системы и ее институтов. Именно культура гражданственности способствует становлению демократических отношений и достижению политической стабильности. Следует учесть, что в результате проводимых в России реформ обнаружились глубокие противоречия и конфликты, что проявилось в конфронтации и нарушении гражданского мира, в дезорганизации и радикализме политических требований. Политические реформы связаны прежде всего с возникновением и распространением демократических ценностей и норм, их укоренением в общественном сознании и поведении. То, что не получает закрепления в культуре, становится причиной политического разобщения и конфликтов, поскольку воспринимается как фактор дезорганизации общества. Поэтому любые изменения должны сопровождаться соответствующим культурным обоснованием. Культурные перемены должны предшествовать политическим, создавая для них почву и мотивацию. Совершенствование политических отношений предполагает становление нового политического сознания и поведенческих образцов. Именно массовое освоение ценностей гражданской культуры в нашей стране определяет возможности осуществления необходимых преобразований. Так формируется стремление и готовность к активным гражданским действиям и признанию их последствий.

Примечания

¹ Бердяев Н.А. Сила России // Биржевые новости. 1916. 4 янв.

² Политическая культура населения Российской Федерации // Информационно-аналитический бюллетень: Социология власти. №4. М., 2002. С. 55–58.

³ Петро Н. О концепции политической культуры, или основная ошибка советологии // Полис. 1998. №1. С. 44.

⁴ *Баталов Э.* Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) // ОНС. 1994. №6; 1995. №3. С. 62.

⁵ Указ. соч. С. 67.

⁶ *Баталов Э.* Указ. соч. С. 69.

⁷ *Кутковец Т.И., Клямкин И.М.* Русские идеи // Полис. 1997. № 2. С. 126–128.

⁸ *Петро Н.* Указ. соч. С. 45.

⁹ *Баталов Э.* Указ. соч. С. 32.

¹⁰ См. например: *Капустин Б.Г., Клямкин И.М.* Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. 1994. №2; *Петухов В.В., Рябов А.В.* Как живешь, Россия? // Москва. 1994. №9. *Рукавишников В.О.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998.

¹¹ Политическая культура населения Российской Федерации.... С. 17.

¹² Там же. С. 18.

¹³ Российская повседневность и политическая культура: возможности, проблемы и пределы трансформации. М., 1996. С. 105.

¹⁴ Цит. по: Российская историческая политология: Курс лекций / Отв. ред. С.А. Кислицын. Ростов н/Д, 1998. С. 124.

¹⁵ *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма // Вехи. 1936. С. 54.

¹⁶ *Беляева Н.Ю.* Гражданские ассоциации и государство. // Социс. 1995. №11. С. 109.

¹⁷ *Пивоваров Ю.С.* Политическая культура пореформенной России. М., 1994. С. 117.

¹⁸ *Рукавишников В.О.* Указ. соч. С. 115.

¹⁹ *Шешукова Г.В.* Политическая культура электората российского региона. М., 1997. С. 133.